

ОСИ И ЭКСТРЕМУМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ НА ПРИМЕРЕ МНОГОЗНАЧНОГО ПОЛИМАСШТАБНОГО ЮГА

© 2025 г. А. И. Трейвиш*

Институт географии РАН, Москва, Россия
**e-mail: trene12@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.02.2025 г.

После доработки 01.04.2025 г.

Принята к публикации 03.06.2025 г.

Среди основных осей географических различий наиболее универсальны северо-южная и западно-восточная. Статья посвящена “югам” разных масштабов, от глобального до внутривосточного и локального (на избранных примерах), затрагивая другие экстремумы обеих географических осей, их объективным признакам и отражению в массовом сознании. Отмечена “абсолютизация” Юга на всех уровнях, фиксируемая топонимикой. В разных территориальных рамках он особый как по свойствам, так и по расположению. В странах, растянутых по меридиану, доминирует его контраст с Севером; если пропорции гармоничнее, две оси примерно равнозначны; а в больших странах с широтным простираем их Юг смещен к западу или востоку. В России он ограничен европейской частью. Путем сравнения 12 избранных районных схем досоветских, советских и постсоветских времен выделены общий “минимальный” Юг (Кубань, Ставрополье) и широкий “максимальный” с Закавказьем, Украиной, частями Центра, Нижнего и Среднего Поволжья. “Оптимальный” Юг — это Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, а менее строго — земли к югу от Волго-Донской горловины, с потенциальным расширением к западу. Различные признаки Юга России раскрывают его специфику и восприятие. Массовые образы Юга обычно позитивны, базируются на географических понятиях, заимствуя зарубежные элементы, активно применяются в бизнес-нейминге и брендинге. Хотя наша наука традиционно увлечена Севером, роль “юговедения” растет из-за дефицитности и ценности Юга, вместе с его демографической, геополитической и экономической ролью.

Ключевые слова: Юг, Север, Восток, Запад, ориентир, регионим, образ, бренд

DOI: 10.7868/S2658697525040026

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В географическом пространстве есть оси, по которым прослеживаются устойчивые, поистине фундаментальные различия. Прежде всего, это оси север–юг и запад–восток (Трейвиш, 2009; и др.). Они значимы всегда, при любых изменениях географической сферы, хотя и последние, в свою очередь, влияют на содержание фиксируемых по осям различий.

Обе оси служат географическими координатами для ориентации на поверхности Земли, но этим их роль далеко не исчерпывается. Учет соответствующих им контрастов и рубежей создает частные системы отсчета, в рамках которых понятия севера, юга, запада, востока приобретают широкий смысл. В основе природных вариаций лежат форма и движение Земли; за спецификой человеческих сообществ стоит их политическая, экономическая, культурная и прочая дифференциация.

Другие оси, такие как суша–море, горы–равнины, центр–периферия или межэтнические, тоже значимы, но менее повсеместны. Они не столь важны для океанов, внутриматериковых равнин, экономически, геодемографически и этнически однородных территорий (по сравнению с явно неоднородными). Оси север–юг и запад–восток полимасштабны и вездесущи, т.е. наиболее универсальны. При их анализе интересны, прежде всего, крайности, экстремумы, которыми обозначена та или иная ось, а не что-то нейтральное или среднее между ними.

Все же, при этой внешней простоте, многие стороны вопроса не столь очевидны, как может показаться, и требуют дальнейшего научного осмысления. Можно, к примеру, спросить: что такое Юг и Север — продукт своего рода абсолютизации относительных ориентиров, их воплощения в географические районы или

зоны и соответствующие им топонимы? Где они начинаются и оканчиваются, как провести их границы? Ответы могут поразить своими нестыковками и неопределенностью.

Но разве кто-то чего-то не знает о сторонах света? Ведь если не на личной практике ориентирования и пространственного поведения, то от школьного учителя или бывалых старших мы с детства знакомы с севером и югом, востоком и западом. Ведали о них и предки в далеком детстве человечества, еще не имея глобуса, компаса и научной картографии с координатной сеткой.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каждая ось заслуживает углубленного поэлементного анализа, но обе разом — это для одной статьи перебор. Заметим, что российская наука издавна уделяла большое внимание северу в силу его обширности, обилия природных ресурсов, реже занимаясь югом. Отсюда сужение темы в данном случае. Впрочем, изучение лишь одной стороны-экстремума, без оглядки на антиподную, а также на ортогональную ось запад-восток вряд ли вполне резонно в избранном ракурсе.

В самом общем случае север и юг, так же как запад и восток, выступают в роли относительных понятий и нарицательных имен. Направления на запад и восток есть на Земле всюду, а на север и юг — везде, кроме Северного и Южного полюсов, откуда в любую сторону возможно движение только к югу либо только к северу.

Вместе с тем постоянно встречается “абсолютизация”. Она видна в топонимах на всех уровнях, от всемирного (Южный полюс, Южное полушарие, глобальный Юг) до субрегионального и локального (Южный берег Крыма, Южное Бутово, просто Южный или Южное). Таких ойконимов, урбанонимов, инсулонимов в России не меньше сотни, и это уже имена собственные, что на письме передает заглавная буква.

Абсолютные значения не изолированы от относительных и в той или иной мере им соответствуют. Коннотации у них все же разные. Кроме того, первая реальность тут переплетена со второй, объективная — с когнитивной, тоже подлежащей анализу.

Обзор литературы о юге вообще или каком-то конкретно в наши задачи не входит. Эта литература обильна, разношерстна и распадается на пласты по масштабам и темам. О глобальном Юге чаще всего пишут с геополитических позиций, но не только (Dados and Connell, 2012; Lees, 2021; Molho et al., 2020). Имеются “южные” работы по континентам, включая Африку (Lalu, 2018; и др.). Юг США обычно изучается в контексте культуры (Grem et al., 2018). Есть

журнал “Южноевропейское общество и политика”, научное общество и центр исследования Южной Индии и т.д. Публикаций по частным сюжетам и малым территориям множество, но не очень широких, насколько позволяет судить поиск в интернете. Широкий подход типичнее для отечественной географии (Дружинин, 2022а; Мартынов, 2018; и др.). По А.Г. Дружинину, “юг” и “южность” выступают в общественной географии как позиционные, ситуационные и ментальные характеристики.

В данной статье ставятся три задачи.

1. Рассмотрев по мере сил многозначность разномасштабных “югов” (и “северов”), понять, где, кому и чем важен Юг, откуда он начинается; для мира в целом по некоторым признакам возможен сплошной анализ, а для стран, регионов — выборочный, с характерными примерами.

2. Уделить при этом особое внимание компактному Югу России, чьи рубежи и признаки немногим более однозначны и определены, чем у Севера.

3. Выявить образно-ассоциативный ряд, связанный в нашей стране с югом, а также применимость этого понятия в бизнес-нейминге и брендинге предприятий.

Качественные, статистические, графические методы (в том числе комбинирующие массу картографических и других интернет-источников, чей список слишком длинен для цитирования) привязаны к задачам, но варьируют даже в рамках одного сюжета. Это касается и привлекаемых материалов, нужна лишь их адекватность задаче или сюжету. Промежуточные результаты обсуждаются по мере их получения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Юг среди ориентиров: краткий историко-географический экскурс

Народам древности ориентирами служили разные стороны света (Подосинов, 1999). Само слово восходит к латинскому *oriens*. А мог быть *оксидентур* от *occidens*, *аустралур* от *australis* (магнитный компас, изобретенный в Китае, показывал юг и назывался юговедом). Мог бы прижиться и *сенцентрионур* от *septentriones* или *бореалур*, от севера по-гречески. Дело, конечно, не в солнцепоклонничестве европейцев, не в их восхищении древними культурами Востока, а в том, что вместе с христианством в Европе распространился парафраз притчи о свете Вифлеемской звезды: *Ex oriente lux* (Мф., II, 1–12).

Как отмечал тот же филолог и антиковед А.В. Подосинов (1999), боги южан Евразии от римлян до индусов обитали на севере в горах, а у северян кельтов, германцев, финно-угров,

славян, тюрков боги были южанами. Автор связал это различие с климатом, гидро- и орографией: боги там, откуда текут реки, то есть севернее либо южнее великого горного пояса материка (вдали от него локализация божеств бывала иной). Подосинов также писал, что северяне чаще затевали походы на юг, чем южане — на север. Впрочем, так было не всегда.

Первые государства, зарождаясь в тропиках и субтропиках Северного полушария, стремились к расширению во все стороны, но редко — далеко на север, слишком суровый для раннего земледелия как базы оседлости, городов и прочной власти. Позднеантичные и средневековые царства Евразии могли уже занимать умеренные широты.

Еще важнее тот факт, что в середине прошлого тысячелетия в Европе начался резкий разворот: древний культурно-хозяйственный градиент, когда юг опережал север, с развитием индустрии, техники, политических систем менялся на прямо противоположный. В итоге колониальные империи Нового времени заняли планету своими владениями, обычно более южными, чем метрополии. Хотя колонии лежали и западнее, и восточнее Европы, оппозиция “старым” культурам Востока волновала “новых хозяев мира” (и их певца Р. Киплинга) сильнее. Отсюда добавка к изречению: *Ex oriente lux, ex occidente lex*: с Востока свет, с Запада закон. Смещение Востока и Юга, смещение фокуса с одного на другой для массового и элитарного сознания типичны, о чем еще пойдет речь.

Глобальный Юг и национальные “Юга”

Где начинается глобальный Юг? Подобный вопрос немедленно рождает другой: для кого, откуда? Для среднего жителя умеренных и полярных зон Северного полушария Юг, вероятно, начинается с субтропиков и включает тропики: северные и южные, так как климат и связанные с ним зональные свойства природы там почти те же. Только в Южном полушарии это север, тогда как умеренные и антарктические “юга” там имеют природные свойства “северного” севера. Получается некий географический парадокс. Иногда для стран Южного полушария предлагаются карты с югом не снизу, а сверху, однако норму Северного полушария, где находятся 2/3 суши и живут почти 9/10 землян, они побороть не в силах. Взгляд с умеренных широт тоже задан исторически, хотя в более теплых зонах населения больше: до 50% только между 20° и 40° с.ш. (Klinger and Ryan, 2022)¹. Эта доля,

¹ Отмечаемый в этой и других работах отток мигрантов из жарких стран в более прохладные, со среднегодовой температурой от +10 до –20°C, — следствие не столько их климатического комфорта, сколько лучших условий жизни и труда, его высокой оплаты и т.п.

а также вклад низкоширотных стран в мировую экономику растут.

Глобальные колебания климата влияют на простирающиеся природные зоны, но вряд ли отменяют сам принцип. Массовые представления, в том числе географические, вообще инерционны, а если реагируют на объективные сдвиги, то с немалым лагом. Другое дело, что относительные и абсолютные “юга” (“севера” тоже) полимасштабны, их очень много. Поэтическая версия: “Как на востоке есть Восток, // Так есть и Юг южнее юга. // И ты везде обрящешь друга, // И недруг сыщется жесток”.

Геополитическая оппозиция Север–Юг в XXI в. начала замещать пару Запад–Восток, дожившую с эпохи Греко-персидских войн до холодной войны двух сверхдержав. И поныне в политической риторике антипод глобального Юга — не Север, а все-таки Запад. Их отождествление затрудняет явно северная Россия. Так, XVI саммит БРИКС в Казани шел под девизом “БРИКС и Глобальный Юг — совместное строительство лучшего мира”, но его декларация озаглавлена географически нейтрально: “Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности”² (XVI Саммит ..., 2024). Участники саммита часто говорили о Юге и Востоке вместе как о глобальном большинстве: и по числу стран, и по населению.

Представление о глобальном социально-экономическом Юге возникло в 1980 г. в докладе Независимой комиссии по международному развитию во главе с В. Брандтом — уже не канцлером ФРГ, но авторитетным международным политиком (Brandt et al., 1980). “Линия Брандта” делила мир на богатый Север и бедный Юг по 30° с.ш. (рис. 1а). Этот Юг сродни Третьему миру, мировой периферии (Dados and Connell, 2012).

Линия Брандта всегда была спорной из-за анклавов Севера на Юге и наоборот, а их становится больше, что лучше видно на карте (рис. 1б), чем на графике. Условность линии связана с жесткой дихотомией Север–Юг и с неделимым уровнем государств, для крупных стран сомнительным. Введение серии градаций и просто еще одной зоны “полу-юга, полу-севера” (подобной полупериферии по другой оси), когда индикатор доступен для единиц АТД, дробит картину, но не отменяет межстрановых контрастов. Примером служит индекс человеческого развития с данными субнационального

² XVI Саммит БРИКС / Президент России. 2024. 44 с. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения 19.11.2024).

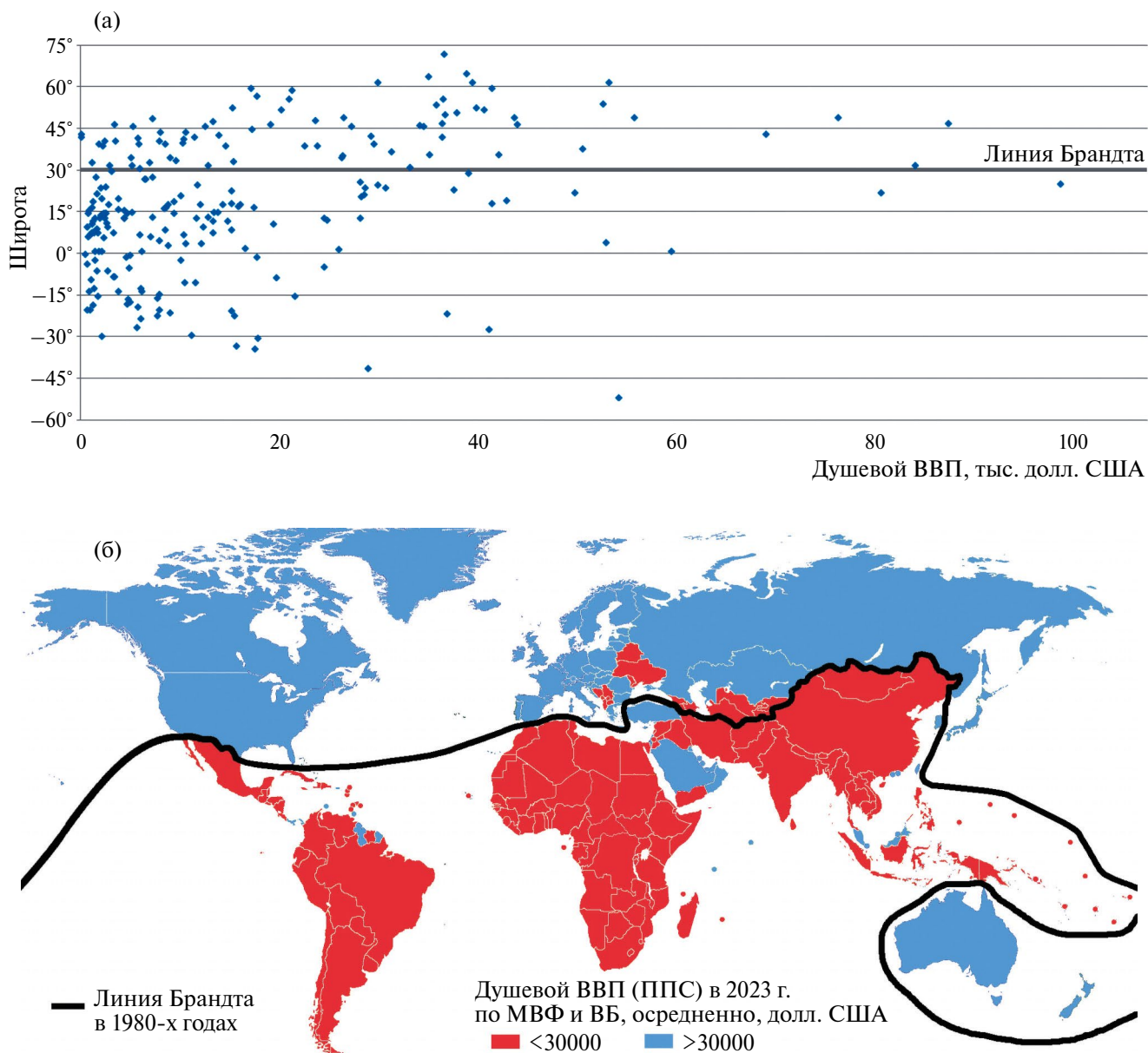

Рис. 1. “Линия Брандта” и валовой продукт на душу населения по странам мира: (а) около 2013 г.; (б) в 2023 г.
 Источник: авторская комбинация различных интернет-материалов.

масштаба с 1990 г.³ (Subnational HDI ..., 2024). Западные авторы признают, что экономическая мощь и разнообразие Юга растут, не размывая линии Брандта и, более того, консолидируя глобальный Юг в его оппозиции Северу или Западу (Lees, 2021).

Индекс человеческого развития (ИЧР) и ВВП в конечном счете — просто численные меры, пусть и агрегирующие ряд слагаемых. Север и Юг не сводятся к таким индексам. Эти комплексные понятия, подобно интегральным районам, синтезируют разнородные признаки. Крупные индивидуальные районы не зря могут иметь в названиях обозначения сторон света. Так, по трем десяткам

стран и 40 с лишним сеткам их макрорайонов в середине 2000-х годов мы нашли румбовые элементы почти у четверти регионимов. А вот у единиц АТД и более дробных районов они сильно уступают натуронимам, ойконимам и этнонимам (Трейвиш, 2009, с. 149).

Природно-хозяйственный смысл Севера и Юга иногда полярно переставляет их физические места даже у соседей. Таковы, например, смежные страны Магриба и Сахели, разделенные Сахарой: у первых города и освоенные зоны смещены к приморскому северу, у вторых — к саванному югу. Разница заметнее в странах, вытянутых по меридиану. Юг в основном субтропической Италии традиционно считается аграрным, бедным, отстающим. “Юга” далеких от субтропиков Норвегии, Швеции, Финляндии, наоборот,

³ Subnational HDI (v8.1) — Maps — Global Data Lab. <https://globaldatalab.org/shdi/maps/> (дата обращения 17.10.2024).

более развитые и населенные, но тоже более аграрные, чем их “севера”. Те и другие могут состоять из исторических, административных или статистических регионов, выделяться в более узкой версии или в расширенной (рис. 2).

Очевидно, срабатывает эффект государственных рамок, внутри которых стороны света получают различное содержание. Иначе говоря, в каждой стране — свой солнечный пояс, он же Юг, и его свои, внутренние признаки.

У стран с более гармоничными пропорциями, где протяжение по долготе и широте различаются на 9–28% (Германия, Испания, Канада, Бразилия, Австралия, Китай, Индия), северо-южная и западно-восточная оси примерно равнозначны. Но само это значение и контрасты экстремальных мест на осях неодинаковы.

Южную Германию отличает не столько климат, сколько общий уклон рельефа и направление стока: не к северу и западу, как на 80% территории страны, а к востоку—юго-востоку за счет Дуная. От Северной и Срединной Германии Юг отличают диалекты и (подобно западным землям) католицизм. В послевоенное время он стал богаче Севера, не говоря о Востоке, бывшей ГДР, оставшись политически консервативным и голосуя за ХДС или ХСС; новая правая “Альтернатива для Германии” популярнее на Востоке. Состав Юга варьирует.

Чаще всего это Бавария и Баден-Вюртемберг, северные границы которых близки к историко-политической и лингвистической линии Майна, одной из важных внутринемецких изоглосс.

Юг Индии выделяется практически однозначно, совпадая с зоной распространения дравидийских языков; к нему не всегда относят лишь небольшой штат Гоа, Андаманские и Никобарские острова (рис. 3). Несмотря на сужение полуострова, его Юг обширен, многолюден, неплохо развит: 20–21% площади и населения, 30–31% ВВП страны. Север в узком составе — по сути, северо-запад — “спорит” с Центром, Западом и Востоком за мощные регионы (полмиллиарда жителей, 3–4 России). Топонимически северный элемент имеет Северо-Восток, или “Семь сестер”, выделяемый без вариантов ввиду его почти изолированного положения. В названиях штатов Индии обычны этнонимы и натуронимы; исключения — Уттаракханд и Уттар-Прадеш с северным началом на хинди. Национальную столичную территорию Дели при макрорайонировании страны часто относят к разным ее частям. Примерно так же обстоит дело с Пекином в КНР.

Там экстремальный Юг из пяти регионов, включая Сянган и Аомынь, по площади невелик, но плотно заселен и продуктивен: менее 5% территории, 12% населения и 16% номинально-

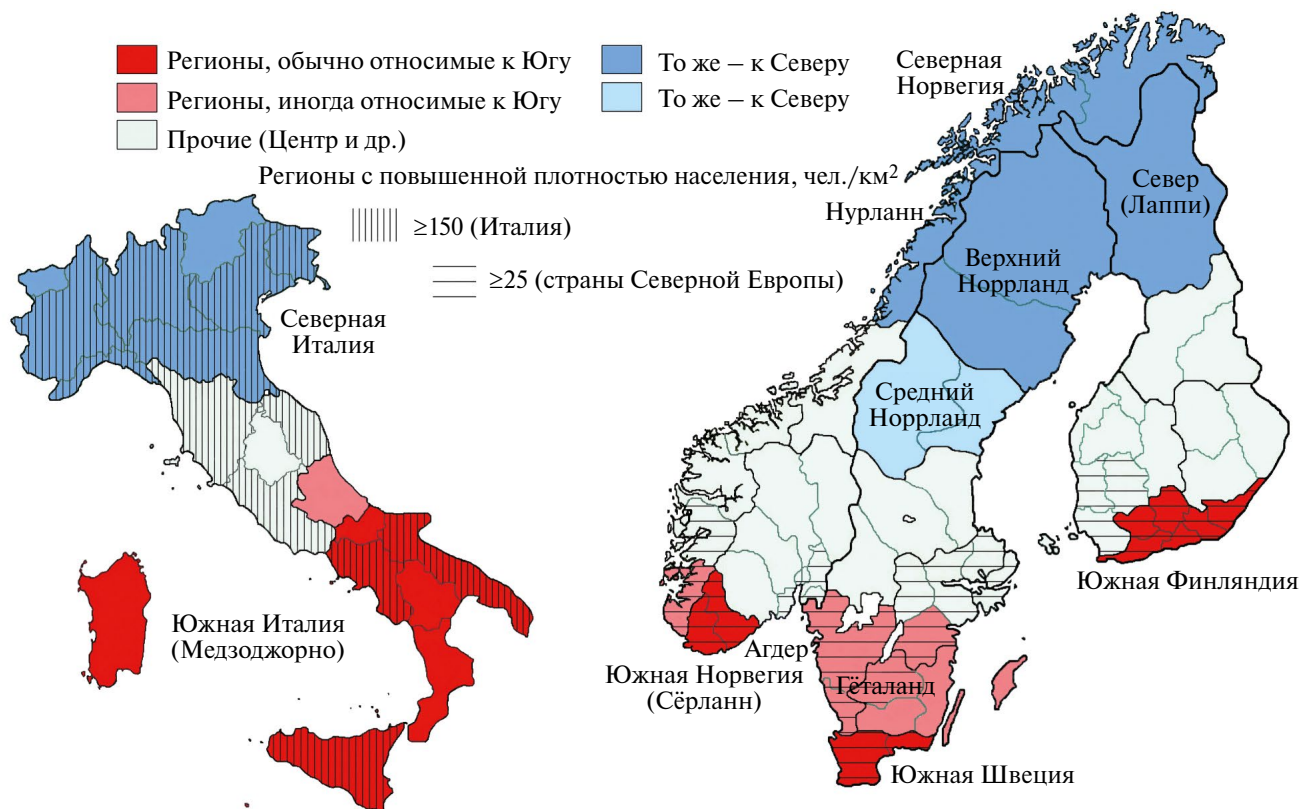

Рис. 2. Юг и Север в Италии и в избранных странах Северной Европы (с вариантами).

Источник: авторская комбинация различных интернет-материалов.

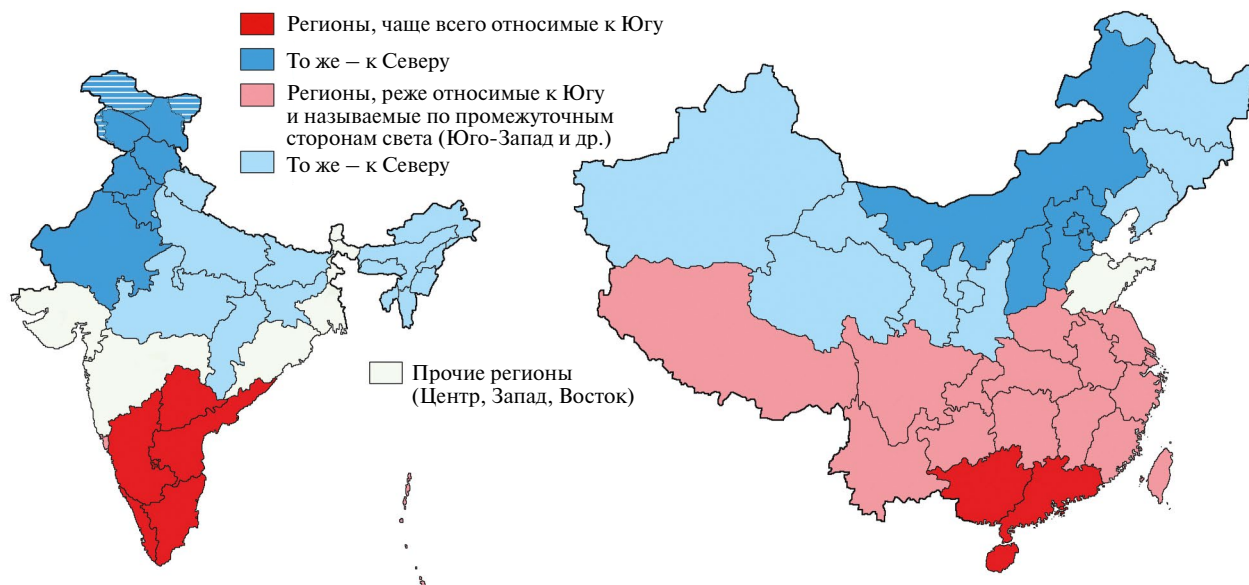

Рис. 3. Юг и Север в Индии и Китае (с вариантами; учтены до трех альтернативных сеток макрорегионов в каждой стране).

Источник: авторская комбинация различных интернет-материалов.

го ВВП страны (без Тайваня). Зона “полу-Юга”, где регионы могут относить и к Западу, Юго-Западу, Центру, Востоку, охватывает более трети площади, более половины населения Китая и 57% валового продукта. Она выделяется, как и в ряде других стран, лингвистически. Здесь представлены почти все ханьские диалекты и другие языки целых трех семей. Специфику Юга ярко отражает отсутствие в городах центрального отопления. Южан, а не северян, в Китае считают “морозостойчивыми”, ибо на их субтропическом юге зимой обычны температуры ниже $+10^{\circ}\text{C}$. Линия раздела с севером, где топят, близка к северной границе большого Юга на рис. 3 (не считая Тибетского нагорья).

Север Китая обширен и довольно расплывчат. Тут, как в Индии, есть ядро, но даже его часто делят между собой Центр, Запад, Восток и смешанные румбовые варианты с обозначениями районов промежуточными сторонами света. Сходство с Индией усиливает стабильность Северо-Востока, выделяемого всеми схемами и ближайшего к восточным центрам России. Много, конечно, зависит от дробности районной сетки, числа ее ячеек. А их несовпадение все-таки выражено в Китае сильнее, чем в Индии, вследствие чего на долю не Юга и не Севера, а беспримесного, так сказать, Востока осталась одна провинция Шаньдун. В названиях автономных районов КНР доминируют этнонимы, натуронимы и хроно-теснионы⁴, как у Синьцзяна — “Нового края”. Зато в именах провинций чаще, чем индийских

штатов, звучат стороны света. Примерами служат Шаньдун и Шанси (от гор к востоку и к западу), Хэбэй и Хэнань (от реки к северу и югу), Хубэй и Хунань (те же стороны от озера).

Юг крупных стран с преимущественно широтным простираем зачастую смещен к их востоку или к западу. В США, с их исторической и расовой спецификой, принята такая градация южности: пять штатов целиком и два частично считают Глубоким Югом, еще восемь — “широким”. Их типовые черты создают плантационное рабовладельческое прошлое, традиционная южанская культура, диалекты не без влияния афроамериканского английского. Географически это юго-восток, на западные Горные и Тихоокеанские штаты понятие макро-Юга не распространяют. Севером некогда считали промышленный северо-восток США, но истинный север — все же эксклавная Аляска, а тропические Гавайи — юг, хотя оба штата официальное 4-частное деление Бюро переписей числит Западными, а 9-частное — Тихоокеанскими. В общем, контрасты север-юг велики и на восточной, и на западной окраинах страны.

Предварительный вывод из зарубежного обзора можно свести к тому, что “юга” и “севера” в избранных странах более или менее традиционны и/или официальные, что они многообразны, неоднородны, различны по выраженности своих свойств. Впрочем, кажется, только у нас в России обиходная речь активно использует для обоих множественное число:

⁴ Отражающие время и место, от греч. *θέση* — местоположение (Сазыкин, Глушко, 2024). Если обычному для топо-

нимов греческому корню все же предпочесть латинский, то такие топонимы можно назвать позиционимами.

чаще для северов, но — симметрично — и для югов. А вот “востоки” и “запады” не приняты, хотя тоже крайне разнолики.

Юг России: основные варианты и свойства

Материковый массив России сильно вытянут по широте, а Юг здесь явно смещен к ее европейскому юго-западу⁵. Южный вектор развития касается и Сибири, Дальнего Востока (Дружинин, 2022б), но это юг для них самих, а для мира и всей России — север. Между прочим, то, что в мире за пределами России — Восток, о повороте к которому внешних связей страны в последнее время много писали, то одновременно и Юг, поскольку север Азии занимает сама Российская Федерация.

Три из четырех ее крайних точек — северная, южная и западная — находятся западнее уральского 60° в.д. Расстояние от арктического мыса Флигели на о. Рудольфа до горы Базардюзю в Дагестане в 1.5 раза (на 1500 км) длиннее широтной оси Европейской России даже при самом вольном подходе к ее восточным пределам. Без островов разница меньше, но северо-южная ось в этой части страны все равно протяженнее, что усиливает контрасты по ней во всех отношениях.

Диапазон территорий, относимых к южным в разные времена и обозначаемых смежными понятиями, определялся путем анализа ряда схем плано-экономического, административно-хозяйственного, научного или статистического деления страны. Всего отобрана дюжина сеток, начиная с “пространств” К.И. Арсеньева и заканчивая актуальными федеральными округами. Критерием южности служило наличие в регионимах слов *Юг, Кавказ, Азов, Новороссия, степь, Черноземье* или их производных. Путем сравнения схем выделен общий для них “минимальный” Юг, нынешние Краснодарский и Ставропольский края, и громадный “максимальный” с охватом Закавказья (в досоветских опытах и первых схемах Госплана Кавказ был единым крупным районом), Украины, лесостепных и даже лесных ареалов на севере типа рязанской Мещеры (Старый или Ближний российский Юг), а на востоке — степей и пустынь до р. Урал (рис. 4). В современной России это примерно 1/4 площади и 2/5 населения ее европейской части.

“Максимум” явно великоват, а “минимум” маловат. По резонным соображениям, включая научные, сегодня к Югу России обычно

относят Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (ЮФО и СКФО). Географии Юга посвятил ряд работ А.Г. Дружинин (2005, 2009, 2022а, б), автор идеи Большого Юга, отметивший реанимацию подзабытого понятия, не сводимого ни к бывшему экономическому району, ни ко взятым порознь СКФО и ЮФО, как ранее в федеральных целевых программах под общей шапкой “Юг России”, но с задачами для каждого округа отдельно. А вот вместе они более или менее корректно обнимают реальную социо-экономико-культурную целостность. Добавим: в региониме “Северный Кавказ” северный ориентир относителен, так как СКФО обращен к северу от Большого Кавказа, а в то же время расположен южнее, чем ЮФО.

Юг, особенно экстремальный (крайний), исторически закрепился в составе России довольно поздно, в частности по сравнению с Севером. Европейский, или Русский, Север, Заволочье новгородцев, был занят ими в XI–XIII вв., создав заслон шведским притязаниям. Арктический и тихоокеанский север Азии землепроходцы разведали и оснастили первыми острогами к середине XVII в. А русское Предкавказье с эпохи покорения Астраханского ханства ограничивалось восточной частью. Степи между Дунаем и Доном контролировали Крымское ханство и Османская Порта. Продвижением в XVIII в. до Азовского и Черного морей кавказских укрепленных линий Россия обрела равнины к северу от этих морей, Кубани и Терека. Лишь в 1860–1870-х годах судьбу Кавказа надолго решили затяжные войны с горцами и турками⁶. К тому времени Россия уже 60–70 лет владела частью Польши и Финляндией. Приамурье и Приморье достались ей по договорам с Китаем тогда же, когда юг Кавказа, но не так дорого по военным усилиям и жертвам.

Геополитически для российского Юга важна та его часть, которую можно назвать Волго-Донской горловиной, где территория России несколько сжата Украиной и Казахстаном. К югу она вновь раздается вширь вдоль горной цепи между морями. Включение Крыма в состав страны в 2014 г. расширило эту “подошву” Юга. Что касается СВО и новых субъектов Федерации (с 2022 г.), то их в этом аспекте, отвлекаясь от множества других сторон текущей драмы, можно счесть попыткой расширения самой горловины. Значение приазовских и нижневолжских центров как открытых либо запертых дверей на Кавказ понималось и в царские времена, и позже, например в 1942 г., когда немцы рвались с Дона к Волге, чтобы отрезать Кавказ с его нефтепромыслами от главных индустриальных

⁵ В позднесоветский период существовало трехчастное деление СССР на Западный макрорегион с Уралом и Закавказьем, Восточный с Сибирью, Дальним Востоком и Южный с Казахстаном и Средней Азией (Некрасов, 1973 и др.). Распад СССР лишил смысла этот большой Юг, а точнее — Юго-Восток, оказавшийся целиком вне России.

⁶ Подробнее см. (Дружинин, 2022а, б).

Рис. 4. “Минимальный” и “максимальный” Юг, выделенные путем совмещения 12 вариантов районирования Российской империи, СССР и РФ (в ее менявшемся составе) с 1848 по 2016 г.

1 — “Юг-минимум”, выделяемый во всех сетках; 2 — “Юг-максимум”, соответствующий хотя бы в одной сетке критерию “южности” (см. пояснения в тексте); 3 — совмещенный внешний контур Российской империи и СССР; 4 — совмещенная внешняя граница Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

баз СССР. Кубанско-Донской коридор связи с ними на западе и Каспийско-Нижневожский на востоке первостепенны по сей день.

Юг в рамках двух федеральных округов невелик по площади, что объяснимо: наша страна юго-дефицитна. Как все “юга” северных стран, он сравнительно плотно населен и, как многие “юга” мира, небогат, что видно из соотношения его долей в населении, общей массе официальных доходов и валовом региональном продукте (рис. 5). Вклад Юга в промышленное производство ниже 2.5% (в продукции обрабатывающих отраслей доля ЮФО в 2023 г. составила 5.8%, а СКФО — 1%), хотя его рост в последние годы опережал среднероссийский. Зато Юг важен как сельскохозяйственная база, давая 1/4 аграрной продукции страны, и как не отраженная прямо на диаграмме транспортная, рекреационная и оборонная база.

Демографическая динамика Юга примечательна. С 1989 г. он прибавил 4 млн жителей, и такой прирост (на 19%) впечатляет на фоне преобладавшей в большинстве регионов России депопуляции. СКФО лидирует в стране по рождаемости и остается ее единственным округом с положительным естественным приростом, тогда как показатели ЮФО заурядны, а то и хуже общероссийских. Доля сельского населения на Юге в целом еще велика — 2/3, и это резерв для урбанизации. Многие города благодаря ближним и дальним мигрантам быстро растут. У них часто существует двусторонний миграционный обмен с городами Севера, так называемая агломерация потоков под влиянием давних социальных предпочтений и связей (Zamyatina and Goncharov, 2022).

Население Хасавюрта, Шали, Избербаша выросло за постсоветские годы более чем вдвое,

Назрани — многократно. У Махачкалы, Ставрополя с пригородом Михайловском и Краснодара оно почти удвоилось. Краснодар быстро догнал в этом отношении Ростов-на-Дону, ранее бесспорную метрополию Юга, а по оценкам кубанских властей — уже его перегнал. Вопрос вызывает публичные споры в обоих городах, что бывает у нас нечасто⁷ (Ростов ..., 2024; и др.) и, видимо, отражает становление южного бицентра. Ростовская агломерация все же крупнее, зато Краснодарская относится к межрегиональным, включая пригороды в Адыгее. Эти ступки изучают в южных, московских и других научно-образовательных центрах (Багомедов, 2013; Белозеров и др., 2022; Гусаков, 2022; Тамов и др., 2019). Привлекают внимание этнические процессы и проблемы (Денисова и др., 2018; Драч, 2018; Панин и др., 2008). Обостряя проблемы с инфраструктурой, жильем, межэтническими отношениями, рост городов и агломераций способствует вместе с тем развитию экономики.

О менявшемся месте Юга в России говорят графики среднегодовой температуры, без учета глобального потепления, взвешенные на все население регионов страны (частей больших регионов) в составе на 2013 г. и население ее 10 городов-лидеров⁸. Как видим, жителям по-

⁷ Ростов против Краснодара. Главное о противостоянии крупнейших городов юга // 161.ru. Ростов-на-Дону онлайн. <https://161.ru/text/theme/27788/> (дата обращения 03.12.2024).

⁸ Такую температуру американские авторы (Hill and Gaddy, 2003) назвали душевой — *temperature per capita*, что некорректно: в отличие, например, от душевого ВВП она не делится на число душ, а одинакова для любого жителя данного места. Правильнее называть ее температурой для населения; для территорий стран Севера она ниже, в России составляет -5.5°C (Трейвиш, 2009).

следних всегда было теплее, чем всем россиянам, хотя до 1970-х годов сдвиг на север и восток приводил к “похолоданию”. В 1990-х годах тренд сменился обратным, но не достиг уровня “тепла” начала XX в. Его понижение у жителей 10 городов к 2021 г. вызвано вливанием в десятку Красноярска и выходом из нее Ростова-на-Дону (рис. 6).

Есть на Юге малые и большие города, теряющие население: центры угледобычи, легкой, пищевой индустрии, машиностроения в Ростовской области, Городовиковск в Калмыкии, Ахтубинск в Астраханской области, Урюпинск, Фролов, Камышин в Волгоградской и др. Но сильнейшая депопуляция (на 30% с лучших времен в оборонном Знаменске) скромнее, чем у некоторых городов Севера и Главной полосы расселения страны, потерявших 50–60%, а то и 3/4 прежних обитателей.

Объективные признаки нашего не очень обширного Юга неоднородны. Самый “либеральный” природно-ландшафтный — степной, самый жесткий — субтропический: субтропики средиземноморского типа прижаты к Черному морю и Каспию (Самурский фрагмент на юге Дагестана). У агроклиматических признаков своя специфика. Так, сумма активных температур в 3000° минимально необходима культурам, считающимся в России южными: хурме, грецкому ореху, баклажану. Эта изотерма идет как раз по Волго-Донской “горловине”. Товарные зоны абрикосов, арбузов сдвинуты к северу в западной части Юга и к югу — в восточной, ведь важны увлажнение, почвы и т.д. Из этнокультурных признаков на западе можно отметить ареал традиционного расселения казаков, а на востоке, юго-востоке — народов алтайской

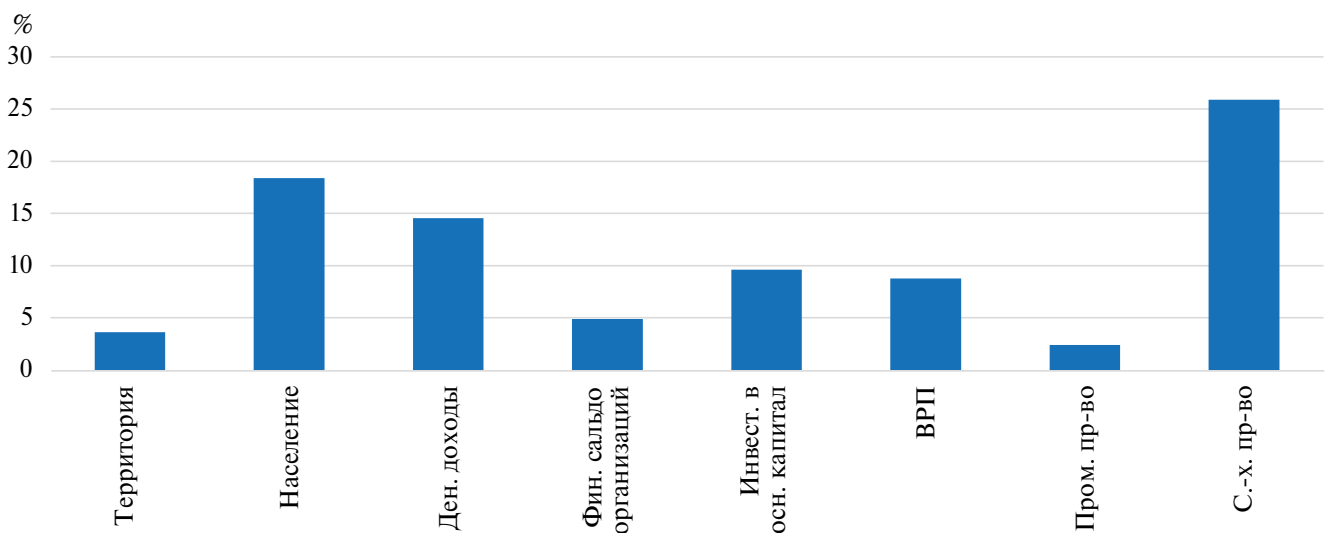

Рис. 5. Доля Юга (ЮФО и СКФО) в России, 2021–2024 гг., по избранным показателям и наличию данных, %.

Источник: расчеты автора по данным (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Стат. сб. М.: Росстат, 2024. 1081 с. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf).

и кавказской языковых семей. Вообще-то у нас, чем южнее, тем “культурно” как бы восточнее за счет нарастающей доли этих этносов.

*Южные ассоциации россиян
и роль Юга в бизнес-нейминге*

Массовые ассоциации и образы формируют, по сути, те же признаки. Любопытно, что в глазах жителей России приметы ее Юга переплетаются с глобальными и зарубежными. Наиболее тесно с ним связаны массовые представления о тепле, море, солнце, песке, отдыхе и других сторонах света — очевидно, в порядке сравнения и противопоставления (что важно и для этой статьи). Среди южных прилагательных-эпитетов по распространенности вперед совсем неожиданно вырвался *рабовладельческий*, явно относящийся к США, хотя слово *американский* как таковое имеет умеренное хождение наравне с *католическим*, скорее подходящим Европе, тогда как *русский* и *советский* встречаются реже. Всех их опережают куда более универсальные *благодатный, знойный, крайний, далекий*; последний эпитет — видимо, синоним самых ярких и, пожалуй, чаще иноземных “югов”.

В целом, как вытекает из облака слов и смыслов на рис. 7, синтезирующем разные списки ассоциаций с югом, доступные через интернет, к “югам” жители России относятся в целом потребительски и позитивно, игнорируя немалый набор острых южных проблем. Иногда образы выглядят нейтрально, а негативно — куда реже. Судя по всему, под “югами” массовое сознание склонно понимать удаленные экзотические края, сводя их главные функции к курортно-туристическим. Мало кто учитывает, что мировой Юг в виде тропиков

и субтропиков опережает высокие широты обоих полушарий по населению и все чаще — по темпам экономического развития (см. выше).

У Севера баланс коннотаций менее радужный: его сопрягают с холодом, снегом и льдом, зимой, ветром, северным сиянием, медведями, оленями, пингвинами (птицами Южного полушария), полярниками. Он суровый, дикий, порой редуцируемый до своих экстремумов: крайний, арктический, антарктический (даром, что это крайний юг планеты). Заодно Север промышленный, нефтяной и т.п., но эти признаки по частоте не первые.

По понятным причинам, среди многих ассоциируемых с Югом и Севером понятий и терминов преобладают те, которые, так или иначе, относятся к сфере географии.

В нейминге предприятий самых разных отраслей слово “юг” и его производные используются довольно широко. Вот некоторые примеры: группа компаний “Юг Руси”, Холдинг “Южный”, птицекомплекс “Южный”; ООО “ТД Южный” (агропромышленный сектор и торговля агропродукцией), ООО “Южный торговый дом”, “Юг”, “ЮГ-ГРУПП” (строительство, операции с недвижимостью), “Европак-Юг”, “Юг-Авто Эксперт”, отель “Южные ночи”, салон красоты “Южанка”.

На уровне рядового сервиса и уличной торговли подобных названий очень много. Обнаружить их в масштабе большого региона, не говоря о том, чтобы оценить количество и долю в массе заведений, даже сложнее, чем в нейминге крупных бизнес-структур. Деятельность одних ограничена рамками домашних регионов и поселений, другие можно без колебаний отнести к межрегиональным.

Рис. 6. Среднегодовая температура (конца XX в. на все даты) для всего населения России в границах 2013 г. и 10 крупнейших городов в их официальных границах, 1897–2021 гг.

Источник: расчеты автора по данным демографической и метео-статистики.

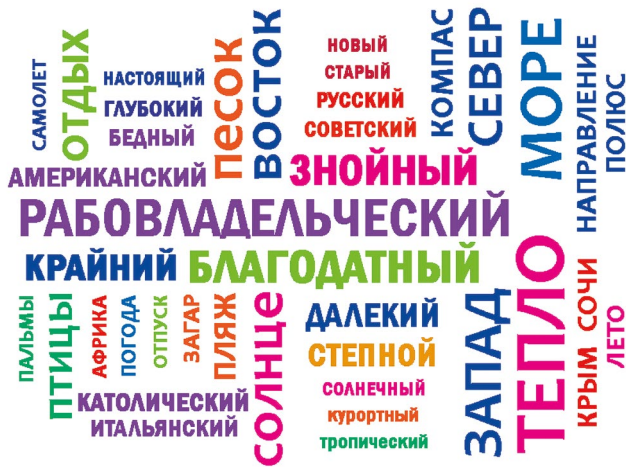

Рис. 7. Облако слов и смыслов, ассоциируемых в России с понятием юга.

По вертикали — существительные, по горизонтали — прилагательные. Соотношения размеров шрифта соответствуют встречаемости слов. Цвет выбран произвольно. Синонимы типа “тепло”, “жара”, “зной” и т.п. по возможности объединены.

Источник: авторская комбинация ряда интернет-источников.

Присутствие “юга”, его образов и символов в наименованиях такого рода логично и закономерно. Однако выявление подобных случаев требует специального анализа, поскольку к “южным” можно отнести не только смыслы, показанные на рис. 7, но и дары природы, товарные бренды⁹, имена персон — гениев места, сугубо локальные топонимы или диалектные лексемы, сопряженные с данной версией юга, и т.д. Таковы ростовские футболки с лозунгом “Любо” и прочей казачьей символикой от DNK Russia, “Коровка из Кореновки”, “Мацеста чай”. Случаются географические перебросы нейминга (вроде сластей “Кутаис” из Горячего Ключа). Местные власти поддерживают продуктовые, фирменные, туристические бренды через СМИ, благодаря чему они перерастают в *брендинг территорий*.

Вполне естественно, что понятие севера в ходу на Севере, к которому в данном случае примыкает Санкт-Петербург. Ограничившись заметной любому прохожему сферой общественного питания, отметим для примера кондитерскую сеть “Север-Метрополь” — результат слияния некогда знаменитых ресторана “Метрополь” и кафе “Норд”, располагавшихся в историческом цен-

⁹ Вот далеко не полный список: черноморские кефаль, бабабулька-султанка, донские раки, каспийские осетры, икра, астраханские вобла и арбузы, калмыцкие дикие тюльпаны, адыгейские и другие сыры, осетинские пироги, крымские, кубанские и цимлянские вина, ставропольские, кизлярские и дербентские коньяки, минеральные нарзанные и эссендукские воды, балкарские шерсть и пух, кубачинское серебро, платки, черкески, папахи, хинкал, курник и прочие яства на местный лад.

тре города. В Москве уже в силу ее столичности, вызывающей к единению громадной страны, в том числе символическому, юг и север примерно поровну представлены в нейминге тех же учреждений общепита. Так, в конце Большой Калужской улицы, ставшей Ленинским проспектом, долгие годы находился ресторан “Южный”, а на ул. Горького — Тверской — популярное молодежное кафе “Север”. Их преемники и тезки имеются в столице и сейчас.

Таким образом, когнитивные аспекты “югов” (как и “северов”) имеют не только научно-познавательное, но и прикладное значение. Последнее весьма перспективно и заслуживает рассмотрения с географических позиций не только на уровне примеров, которыми пришлось ограничиться ввиду нехватки опыта и материала.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Юг и север — понятия относительные. Они присутствуют на Земле везде, кроме полюсов. Вместе с тем практически на всех таксономических уровнях происходит их “абсолютизация”, отражаемая топонимикой.

Глобальные геополитические и экономические Юг и Север столь же условны, как Восток и Запад. В разных природных, цивилизационных, национальных и других рамках “Юга” бывают совсем не похожи друг на друга. Географические север и юг могут оказаться сущностными антиподами не только в двух полушариях и далеких друг от друга странах, но и в соседних.

В странах, чья территория растянута по меридиану, доминируют контрасты север—юг. Там, где пропорции гармоничнее, северо-южная и западно-восточная оси примерно равнозначны, а в больших странах с широтным простиранием внутренний Юг, как правило, смещен к их западу или востоку.

В рамках России и ее исторических предшественников он ограничен европейской частью. Сравнение 12 избранных досоветских, советских и постсоветских схем регионального деления позволило выделить общий “минимальный” Юг в составе Кубани и Ставрополя и громадный “максимальный” с Закавказьем, Украиной, центральным Черноземьем и сухостепным востоком до р. Урал. “Оптимальный” же Юг примерно соответствует Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам, а менее строго — землям к югу от Волго-Донской “горловины”, с “силовым” расширением к западу.

Различные признаки Юга России раскрывают в сочетании друг с другом его состав,

специфику, коннотацию и восприятие. Образы Юга формируются скорее со знаком плюс, чем минус, базируются на географических по своей сути понятиях и ассоциациях, активно заимствуют зарубежные элементы, применяются хозяйствующими субъектами в их нейминге, товарном и отчасти в территориальном брендинге.

Отечественная наука, в том числе географическая, чаще занималась Севером, что естественно для великой северной страны, однако актуальность нарождающегося в России “юговедения” растет как из-за дефицитности и потому ценности Юга, так и вместе с его демографической, геополитической, экономической ролью.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках темы государственного задания Института географии РАН № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).

FUNDING

The study was carried out according to the state order of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences no. 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багомедов М.А.* Социально-демографические проблемы развития Махачкалинско-Каспийской агломерации // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 4. С. 8–12.
- Белозеров В.С. и др.* Территориальное планирование и демографическое развитие Кавминводской городской агломерации // Географический вестн. 2022. № 4 (63). С. 19–33.
<https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-19-33>
- Гусаков Т.Ю.* Особенности современного расселения на Крымском полуострове // Вестн. РУДН. Серия Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 186–204.
<https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-186-204>
- Денисова Г.С., Лубский А.В., Войтенко В.П.* Межэтнические взаимодействия на Юге России как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 41–56.
<https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.6.3>
- Драч Г.В. и др.* Цивилизационные исследования на Юге России. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2018. 304 с.
- Дружинин А.Г.* Юг России конца XX — начала XXI вв. (экономико-географические аспекты). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2005. 278 с.
- Дружинин А.Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.

- Дружинин А.Г.* Российский Юг: подходы и критерии делимитации // Ученые записки Крымского фед. ун-та имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2022а. Т. 8 (74). № 2. С. 3–13.
- Дружинин А.Г.* “Южный вектор” геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022б. № 1. С. 5–16.
<https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-109-5-16>
- Мартынов В.Л.* “Четыре стороны России”: основные тенденции макрорегионального развития // Псков. регионологич. журн. 2018. № 4 (36). С. 3–18.
- Некрасов Н.Н.* Экономика СССР — взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс. М.: Знание, 1973. 65 с.
- Панин А.Н., Белозеров В.С., Чихичин В.В.* Этнический атлас населения Ставропольского края. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. 200 с.
- Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
- Сазыкин А.М., Глушко А.А.* Семантическая классификация топонимов Приморского края // Тихоокеанская география. 2024. № 4. С. 44–63.
https://doi.org/10.35735/26870509_2024_20_5
- Тамов А.А., Родин А.В., Бабичев К.Н.* Краснодарская агломерация: проблемы интеграции и связанности с учетом особенностей территориально-административного районирования Краснодарского края и Республики Адыгея // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия 5: Экономика. 2019. № 4 (250). С. 60–68.
- Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 369 с.
- Brandt W., et al.* North-South: a programme for survival: Report of the independent commission on International Development issues. London, Sydney: Pan books, 1980. 304 p.
- Dados N., Connell R.* The Global South. Contexts // American Sociological Association. 2012. № 11 (1). P. 12–13.
<https://doi.org/10.1177/1536504212436479>
- Grem D.E., Ownby T., Thomas G.Jr., et al.* Southern Religion, Southern Culture: Essays Honoring Charles Reagan Wilson. Oxford, MS: Univ. Press of Mississippi, 2018. 142 p.
<https://doi.org/10.14325/mississippi/9781496820471.001.0001>
- Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003. 302 p.
- Klinger B.A., Ryan S.J.* Population distribution within the human climate niche / PLOS Clim. 2022. Art. e0000086.
<https://doi.org/10.1371/journal.pclm.0000086/g002>

- Lalu P.* Thinking Across Hemispheres: Further notes on Oversights and Blind Spots in Disciplinary African Studies // *Africa Focus*. 2018. Vol. 31. № 2. P. 11–22. <https://doi.org/10.1163/2031356X-03102002>
- Lees N.* The Brandt Line after forty years: The more North–South relations change, the more they stay the same? // *Review of Int. Studies*. 2021. Vol. 47. № 1. P. 85–106. <https://doi.org/10.1017/S026021052000039X> (дата обращения 20.03.2024).
- Molho J., et al.* Cultural policies in cities of the ‘global South’: a multi-scalar approach // *Int. J. Cultural Policy*. 2020. № 26 (6). P. 711–721. <https://doi.org/10.1080/10286632.2020.1811256>
- Zamyatina N., Goncharov R.* “Agglomeration of flows”: case of migration ties between the Arctic and the southern regions of Russia // *Reg. Sci. Policy and Practice*. 2022. Vol. 14. № 1. P. 63–85. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12389>

Axes and Extremes of Geographical Variations on the Example of a Multi-Valued and Multi-Scale South

A. I. Treivish*

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*e-mail: trene12@yandex.ru

Among the main axes of geographical distinctions, the north-south and west-east ones are the most universal. The article focuses on “souths” at various scales, from global to intra-state and local (on selected cases), but touching other extremes of both geographical axes, their objective features and reflection in the mass consciousness. An “absolutization” of the South fixed by toponymy is noted at any level. It turns to be special within different spatial units in terms of both their objective properties and places. In countries stretched along the meridian, its contrast with the North dominates; where the proportions are more harmonious, the two axes are roughly equal, and in large countries with a latitudinal extension, their South is shifted to the west or east. In Russia, it is limited to the European part. The common “minimal” South (Krasnodar and Stavropol krais), and the broad “maximal”, with Transcaucasia, Ukraine, parts of the Center, Lower and Middle Volga areas, are identified by comparing twelve selected pre-Soviet, Soviet and post-Soviet macro-regional schemes. The Southern and North Caucasian Federal districts or, less rigorous, the land southward from the Volga-Don “neck”, with its potential expansion to the west, form an “optimal” South. Various signs of the Russia’s South reveal its specifics and perception. The mass images of the South are basically positive, based on geographical concepts, absorbing foreign elements and actively used for business naming and branding. Although Russian science has traditionally been passionate about the North, the role of Southern studies is growing due to the scarcity and value of the South, along with its demographic, geopolitical and economic role.

Keywords: South, North, East, West, orientations, regionym, image, brand, politics, economy, culture.

REFERENCES

- Bagomedov M.A. Socio-demographic problems of Makhachkala-Caspian agglomeration development. *Vopr. Strukturiz. Ekon.*, 2013, no. 4, pp. 8–12. (In Russ.).
- Belozarov V.S., et al. Territorial planning and demographic development of Kavminvody urban agglomeration. *Geogr. Vestn.*, 2022, no. 4, pp. 19–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-19-33>
- Brandt W., et al. *North-South: a programme for survival: report of the independent commission on international development issues*. London, Sydney: Pan books, 1980. 304 p.
- Dados N., Connell R. The Global South. *Contexts*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 12–13. <https://doi.org/10.1177/1536504212436479>
- Denisova G.S., Lubsky A.V., Voytenko V.P. Inter-ethnic interaction in the South of Russia as a subject of scientific research. *Gumanitarii Yuga Ross.*, 2018, vol. 7, no. 6, pp. 41–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.6.3>
- Drach G.V., et al. *Tsivilizatsionnye issledovaniya na Yuge Rossii* [Civilizational Studies in the South of Russia]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2018. 304 p.
- Druzhinin A.G. *Yug Rossii kontsa XX — nachala XXI vv. (ekonomiko-geograficheskie aspekty)* [South of Russia in the Late 20th — Early 21st Centuries (Economic-Geographical Aspects)]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2005. 278 p.
- Druzhinin A.G. *Global’noe pozitsionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii*. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2009. 288 p.
- Druzhinin A.G. The Russian South: Approaches and criteria of delimitation. *Uchen. Zapis. Krym. Fed.*

- Univ. Vernadskogo. Geogr. Geolog.*, 2022a, vol. 8, no. 2, pp. 3–13. (In Russ.).
- Druzhinin A.G. The “southern vector” of the geostrategy of the Russian Federation in the modern global and Eurasian context: systemic factors of actualization. *Nauch. Mysl' Kavkaza*, 2022b, no. 1, pp. 5–16. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-109-5-16>
- Druzhinin A.G. Actual problems of systematization and unification of geographical terminology in the research of South Russian regionogenesis. *Nauch. Mysl' Kavkaza*, 2023, no. 1, pp. 1–15. (In Russ.).
<https://doi.org/10.18522/2072-0181-2023-113-5-15>
- Gusakov T.Yu. Features of the contemporary settlement system on the Crimean Peninsula. *Vestn. RUDN, Ser. Sotsiol.*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 186–204. (In Russ.).
<https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-186-204>
- Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 302 p.
- Klinger B.A., Ryan S.J. Population distribution within the human climate niche. *PLOS Clim.*, 2022, art. e0000086.
<https://doi.org/10.1371/journal.pclm.0000086>
- Lalu P. Thinking across hemispheres: Further notes on oversights and blind spots in disciplinary African studies. *Africa Focus*, 2018, vol. 31, no. 2, pp. 11–22.
<https://doi.org/10.1163/2031356X-03102002>
- Lees N. The Brandt Line after forty years: The more North–South relations change, the more they stay the same? *Rev. Int. Stud.*, 2021, vol. 47, no. 1, pp. 85–106.
<https://doi.org/10.1017/S026021052000039X>
- Molho J., et al. Cultural policies in cities of the ‘global South’: a multi-scalar approach. *Int. J. Cult. Policy*, 2020, vol. 26, no. 6, pp. 711–721.
<https://doi.org/10.1080/10286632.2020.1811256>
- Martynov V. “Four corners of Russia”: main tendencies of macroregional development. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2018, no. 4, pp. 3–18. (In Russ.).
- Nekrasov N.N. *Ekonomika SSSR — vzaimosvyazannyi narodnokhozyastvennyi kompleks* [Economy of the USSR — Interrelated Economic Complex]. Moscow: Znanie, 1973. 65 p.
- Panin A.N., Belozarov V.S., Chikhichin V.V. *Etnicheskii atlas Stavropol'skogo kraja*. Stavropol: Izd-vo Stavropol. Gos. Univ., 2014. 304 p.
- Podosinov A.V. *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kulturakh Evrazii* [Ex Oriente Lux! Orientation by Cardinal Directions in Archaic Cultures of Eurasia]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 720 p.
- Sazykin A.M., Glushko A.A. Semantic classification of toponyms of Primorsky Krai. *Tikhookean. Geogr.*, 2024, no. 4, pp. 44–63. (In Russ.).
https://doi.org/10.35735/26870509_2024_20_5
- Southern Religion, Southern Culture: Essays Honoring Charles Reagan Wilson*. Grem D.E., Ownby T., Thomas G.Jr., Eds. Oxford: University Press of Mississippi, 2018. 142 p.
<https://doi.org/10.14325/mississippi/9781496820471.001.0001>
- Tamov A.A., Rodin A.V., Babichev K.H. Krasnodar agglomeration: problems of integration and connectedness, taking into account the peculiarities of the territorial-administrative zoning of the Krasnodar kray and the Republic of Adygea. *Vestn. Adygei. Gos. Univ., Ser. Ekon.*, 2019, no. 4, pp. 60–68. (In Russ.).
- Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, Region, Country and World. Russia's Through the Eyes of a Country Studying Geographer]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 369 p.
- Zamyatina N., Goncharov R. “Agglomeration of flows”: Case of migration ties between the Arctic and the southern regions of Russia. *Reg. Sci. Policy Pract.*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 63–85.
<https://doi.org/10.1111/rsp3.12389>